УДК 332
ББК У32

Дмитрий Викторович Трубицын,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Алекса́ндро-Заводская, 30)
e-mail: dvtrubitsyn@yandex.ru

Ресурсное изобилие и особенности российской модернизации

В статье представлены результаты исследования модернизации, проведённого на трёх уровнях – философском, теоретическом и эмпирическом. Используются методы сравнительной и теоретической истории и исторической макросоциологии: факторный анализ исторической динамики, оценка и шкалирование, построение тренд-структур и моделей фазовых переходов. Опираясь на результаты анализа исторической динамики стран Западной Европы, Азии и Северной Африки в зависимости от их обеспеченности ресурсами, автор предлагает свой взгляд на проблему модернизации. Проведённое исследование позволяет утверждать, что интенсификация – главная тенденция и показатель модернизационного процесса – наступает как результат отсутствия возможности осуществления экстенсивной экономической стратегии. Основываясь на сопоставлении данных о численности населения, о наличии и состоянии земельных ресурсов, а также сравнивая результаты социально-экономического развития в этих странах, автор приходит к выводу, что стеснённость в ресурсах традиционной аграрной экономики является необходимым фактором модернизации. Её отсутствие толкает общества на путь «вялотекущей модернизации», для которой характерно замедление трансформации социальной структуры, хроническое технологическое отставание от развитых стран, периодические срывы и откаты в сторону восстановления традиционной системы отношений. Такое же исследование, проведённое на предмет воздействия на модернизацию запасов углеводородов, а также анализ исторической динамики России, позволили описать механизм торможения модернизационного процесса в странах, богатых ресурсами, и в конечном итоге – построить тренд-структуру, объясняющую инертность экономической системы России и подвижность экономической системы первичных очагов индустриального общества – Западной Европы и Японии.

Ключевые слова: традиционная аграрная экономика, земельные ресурсы, аграрная стеснённость, углеводородное сырьё, социально-экономическое развитие, модернизация, интенсификация.

Dmitry Viktorovich Trubitsyn,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: dvtrubitsyn@yandex.ru

Resource Abundance and Distinctive Features of the Russian Modernization

The paper represents the results of the modernization research conducted on three levels: philosophical, theoretical and empirical. Methods of comparative and theoretical history and historical macro-sociology are used: factor analysis of historical dynamics, evaluation and scaling, construction of trend-structures and transition models. Through the comparative analysis of the historical dynamic of Western European, Asian and North African countries, according to their resource supply, an attempt is made to interpret the problem of modernization. The conducted research allows claiming that intensification, as the main tendency and indicator of modernization process, sets in as a result of the lack of potentials for an extensive economic strategy. Comparing the data about population size, availability and condition of land resources, hydrocarbon reserves and their significance for economy, as well as the results of the socio-economic development in these countries, the author comes to the conclusion that resource constraints are necessary factor for modernization. Their absence drives a society toward “torpid modernization”, the characteristics are

slowdown of the transformation of social structure, a persistent technology gap behind developed countries, recurring failure and backtracking to the traditional system of relations.

A similar study regarding influence of hydrocarbon supply on modernization, as well as the analysis of the historical dynamic of Russia, allowed to describe the mechanisms that hamper modernization processes in resource-rich countries, and finally to build up a trend structure that explains the stagnancy of the Russian economic system and the mobility of economic systems of primary centers of industrial society (Western Europe, Japan).

Keywords: traditional agrarian economy, land resources, agrarian constraint, hydrocarbons, socio-economic development, modernization, intensification.

Идея отрицательного влияния ресурсного изобилия на развитие общества высказывалась неоднократно и так же неоднократно подвергалась критике. Не отрицая существования других факторов социально-исторического развития, автор данной работы предположил, что *стеснённости в ресурсах является необходимым, но не достаточным условием модернизации*. В силу естественного сопротивления происходящим изменениям *всякое общество трансформируется в сторону усложнения и интенсификации ровно настолько, насколько это необходимо*. Необходимость же определяется в первую очередь наличием и состоянием ресурсов, служащих для удовлетворения базовых потребностей. Однако применение автором этой закономерности к оценке перспектив российской модернизации вызвало негативные отзывы вплоть до обвинений в «демонизации ресурсов» и желании «огрбить Россию». Стало ясно, что избежать подобного рода критики можно, только подтвердив эти философские доводы данными эмпирических наук.

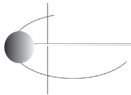
Теоретические и идейные основы.

Мысль о том, что ресурсное изобилие сдерживает развитие общества, не нова, она была озвучена уже в рамках политекономии XIX в. Замечание Маркса о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора» [13, с. 7], и о том, что слишком расточительная природа «ведёт человека, как ребенка, на помочах» и «не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [14, с. 522] свидетельствуют именно о таком понимании проблемы. Поскольку ресурсы и территории действуют только в приложении к определённой численности населения, это актуализировало демографический фактор. «Если для разделения труда внутри мануфактуры, – писал Маркс, – предпосылкой является определённая численность рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность

населения и его плотность». Со ссылкой на Дж. Милля он утверждал о необходимости увеличения плотности населения для повышения производительности труда [14, с. 365].

Идея была подхвачена социологией, философией и экономической историей. В частности, мысль о разделении труда как причине прогресса использовал Э. Дюркгейм. Общество «механической солидарности» сменяется у него обществом «органической солидарности» под действием стеснённости. «Разделение труда прогрессирует... тем более, чем больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении» [5, с. 239]. Он формулирует «закон разделения труда»: «разделение труда прямо пропорционально объёму и плотности общества» [5, с. 244]. О том, что «материальное оскудение» Западной Европы сделало невозможным её дальнейшее развитие в докапиталистической форме, писал В. Зомбарт [6, с. 194]. Немалое значение для философского обоснования идеи имела работа А. Тойнби, в частности механизм «вызова-и-ответа», применённый им для объяснения динамики цивилизаций [24, с. 113–187]. О позитивных последствиях роста народонаселения в разных странах писал А. Сиви, опровергая тезисы мальтузианства, он указывал на то, что в странах с высоким уровнем населения обнаруживаются экономический прогресс, обустроенность территории, рост продолжительности жизни [23]. Посредством демографической динамики он объяснял многие факты мировой истории, в частности, упадок Испании в XVII–XVIII вв., Ирландии – в XIX в., которые произошли из-за снижения численности населения в результате массовой эмиграции в Америку [23, с. 13–17].

В рамках экономической науки положение об интенсификации под влиянием роста населения и недостатка ресурсов было оформлено в прочную теорию, когда датский экономист Э. Бозеруп доказала, что при определённых условиях рост плотности населения ведёт к интенсификации сельского хозяйства в форме изменения технологий и

внедрения инноваций, следовательно, не к экономическому упадку и бедности, а к развитию. Она утверждала, что экономическое развитие, не сводимое к количественному росту, не будет иметь место, если общество не испытывает давления населения [28]. Это положение прямо или косвенно подтверждалось другими исследованиями: экономическими, социологическими, историческими [30; 32; 33; 37; 39; 40; 41; 43; 44].

Последний штрих в развитие идеи внесли создатели и разработчики понятия «ресурсное проклятие» [27; 42]. Оно было введено, когда мир столкнулся с парадоксом значительного падения уровня жизни в странах-экспортёрах нефти в 70–80-х гг. XX в. Последовали широкие исторические сопоставления: учёные обратили внимание на ускоренное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и Японии по сравнению с Россией на рубеже XIX–XX в. В последующем эта теория развивалась, осуществлялись попытки её ревизии, некоторые выводы уточнялись, но неизменным оставалось одно – ресурсное изобилие не оказывает благотворного влияния на экономический рост [29; 31; 35].

В России наиболее близко к данному объяснению причин социально-исторических трансформаций уже в конце XIX – начале XX в. подошли сторонники «демографической школы». Её представитель М. М. Ковалевский использовал гипотезу роста населения для объяснения развития европейского общества [10], а в фундаментальном труде об экономике России называл плотность населения «основным фактором роста производительных сил» [9]. В рамках исторической науки констатация отрицательного воздействия территориального фактора на развитие общества произошла, когда В. О. Ключевский объявил «главным фактом русской истории» колонизацию. «История России есть история страны, которая колонизируется» [8].

В советской исторической науке указанному фактору социально-исторических трансформаций уделялось ровно столько внимания, сколько позволял марксизм. В рамках формационного подхода проблема модернизации ставилась как проблема генезиса капитализма, основное внимание уделялось социально-экономическим механизмам. Но и здесь обойти сферу соотношения ресурсов и потребностей общества было нельзя: «...как ни велико было значение экзогенных факторов в преодолении инерции феодального развития, решить эту задачу смогли

лишь те страны, где были исчерпаны возможности роста производительных сил в условиях предшествующей формации... Это заставляет при оценке предстартового состояния обратить внимание на степень исчерпанности докапиталистической системы производительных сил» [15, с. 14–15]. О негативном воздействии ресурсного изобилия на темпы и характер экономического развития России пишут историки Б. Н. Миронов и С. В. Лурье [12; 17].

За пределами исторической науки эта идея активно применяется философами и культурологами к проблемам развития России. Наиболее заметные теоретические разработки: «экстенсивная доминанта» исторического развития России [1], тезис о том, что интенсивная стратегия, равно как и «интенсивная интенция сознания», возникает только на основе исчерпания экстенсивной [26]. Философско-культурологическое направление исследований проблем российской модернизации оказалось весьма результативным, выявив важное обстоятельство: «Экстенсивная ориентация – структурная характеристика сознания. Её носитель ищет бесплатных ресурсов, противостоит рынку как механизму, устанавливающему цены на ресурсы и цены на продукцию... Экстенсивно ориентированный человек не способен оптимизировать трудовую деятельность, снижать потери... Экстенсивная интенция сознания – один из самых мощных блокираторов динамики» [26, с. 254].

Нельзя не отметить труды современных российских экономистов, разрабатывающих проблемы «ресурсного проклятия» и «голландской болезни». Здесь были сделаны важные шаги в понимании воздействия ресурсного изобилия именно на развивающуюся экономику. «Ресурсное проклятие» поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты... его основной механизм – дальнейшее разрушение институтов» [3, с. 74]. Была выявлена и доказана взаимозависимость и таких процессов, как увеличение сырьевой направленности экономики и ограничение свободы слова и демократии [2].

Постановка проблемы. Таким образом, к настоящему моменту в разных научных областях – в экономике, социологии, культурологии – сложилось чёткое понимание того, как избыток ресурсов и территорий воздействует на развитие общества. Однако пока не прозвучало достаточно внятное теоретическое положение в рамках концепции модернизации, попытки применить соответствующие конструкты (ресурсное проклятие,

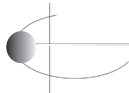
стеснённости) в философских обобщениях вызывают возражения и обвинения в «абсолютизации» отдельных факторов.

Более того, при всей очевидности вышеприведенных закономерностей далеко не все учёные, а особенно философы и политологи, доверяют исследованиям «ресурсного проклятия» [16], многие считают эту идею ошибочной, а иногда и вовсе объявляют её «идеологическим» конструктом «либеральных учёных». Не является эта закономерность окончательно доказанной в рамках сравнительной истории: Дж. Даймонд называет вопрос о воздействии обилия или дефицита природных ресурсов на технический прогресс «спорным» и не даёт на него окончательного ответа [4, с. 317]. Не всё однозначно и с экономическими исследованиями. Некоторые из них показали необходимость разведения понятий «ресурсная зависимость» и «ресурсная обеспеченность» [34]: первое полностью соответствует закономерностям «ресурсного проклятия», а вот второе может иметь и позитивные последствия. А. Келли полагает, что демографическая динамика и экономическое развитие – сложные явления, не позволяющие заключить все закономерности их взаимодействия в одном теоретическом положении [38]. Положение, что рост населения способствует экономическому росту/развитию, он считает упрощённым. Его же собственное исследование показало, что в основном это утверждение верно по отношению к доиндустриальным обществам, аграрная экономика которых действительно трансформировалась под влиянием демографического давления. Но оно приводит к развитию далеко не всегда, особенно в современном мире, где многое зависит от других факторов – степени перенаселения, обеспеченности ресурсами, политической ситуации и т. д. Слишком большое население и гиперстеснённости в ресурсах, характерные для ряда азиатских стран второй половины XX в., приводят скорее к отрицательным результатам. Но, так или иначе, тезис об отрицательном последствии ресурсного изобилия для модернизации его исследование не опровергает. Это можно сказать о большинстве новейших работ, проверяющих предложенную закономерность: в совокупности они скорее уточняют её, чем опровергают.

Немалый вклад в критику идеи ресурсного проклятия вносят исследования в русле мальтузианства, когда рост населения и нехватка ресурсов рассматриваются как дестабилизирующий, угнетающий общественное развитие фактор. К таковым относится, на-

пример, теория демографических циклов развития восточных обществ [19]. Её сторонники актуализируют в основном отрицательные последствия роста населения – обезземеливание крестьян, рост напряжённости, восстания и мятежи, падение правящих династий. По большому счёту это можно сказать обо всем направлении клиодинамики: его представители рассматривают рост народонаселения как в первую очередь дестабилизирующий общество фактор, а не как ускоряющий его развитие, а тем более его порождающий [36; 45]. Хотя они и не скрывают того, что в процессе нарастания демографического кризиса в традиционных обществах развивалась торговля, увеличивалась товарность земледелия и ремесла, росла и укреплялась частная собственность. Так, С. А. Нефёдов в работе о России отмечает, что рост населения и нехватка земли приводят к социально-экономической трансформации [18, с. 53], однако одновременно указывает на следствия «ресурсного сжатия» – общее ухудшение экономического положения, рост социальной напряжённости. Очевидно, что его интересует не модернизация, а её срыв, катастрофа, вернее, их демографические причины. Именно так, по его мнению, в середине XVI в. расцвет экономики московской Руси сменился «грозенским» обвалом. Гипотетический мальтузианский кризис в России на рубеже XIX–XX вв. он также рассматривает как причину революции, но не как предпосылку бурного капиталистического развития.

Но больше всего возражений вызывают попытки применить вышеуказанные теоретические положения к проблеме российской модернизации на современном её этапе. Ведь если они верны, модернизация российского общества практически невыполнима. Возникает парадоксальная ситуация, когда истина, считающаяся даже банальной в силу её самоочевидности («вполне очевидна и тривиальна», – пишет Н. С. Розов [22, с. 320]), при логическом завершении её на материалах развития нашей страны перестаёт быть истинной. Наиболее сдержанная и распространённая оценка: действия механизма ресурсного проклятия можно избежать, поэтому рентная ориентация российской экономики – отдельный её недостаток, вполне преодолимый. Так Н. С. Розов использует идею ресурсного проклятия в описании «контура деградации» российской экономики и общества, отмечает, что избыток ресурсов не всегда является благом для государства, говорит о негативных последствиях высоких цен на нефть и сырьё

для современной России, однако, по его мнению, фатальности здесь нет [22].

Это – принципиальный момент. Исходя из понимания *модернизации как интенсификации* социальной и экономической системы, мы утверждаем, что такая *интенсификация не наступает до тех пор, пока общество не столкнётся с фактом конечности ресурсов, обеспечивающих возможность его существования в прежней – экстенсивной форме*. На этом основании мы полагаем, что у современного российского общества отсутствует внутренняя объективная предпосылка модернизации. Для России с её неокрепшими и нелегитимизированными в общественном сознании отношениями и институтами современного общества это как раз и фатально.

Однако в любом случае необходимо теоретическое положение, закон, выходящий на философский уровень осмысления проблемы, но проверяемый средствами эмпирических наук. Полагаем, что таковыми являются приведённые в начале статьи теоретические положения – *стеснённости в ресурсах как необходимый, но не достаточный фактор модернизации и закон минимальной трансформации*. С одной стороны, они не игнорируют всю сложность социальных, политических, культурных, ментальных и прочих взаимодействий в процессе модернизации, с другой, не оставляют пространства для двусмысленности в определении влияния избытка ресурсов.

Результаты исследования. В данном случае есть возможность ознакомить читателя только с конечными результатами исследования в силу его большого объема, а также тематики настоящей статьи, посвящённой проблеме российской модернизации. Исследование же охватило не только Россию, но **страны и регионы Западной Европы, Азии и Северной Африки**, начиная с позднего средневековья и заканчивая началом XXI в. Сравнительное исследование социальной, экономической и политической динамики этих стран в зависимости от обеспеченности ресурсами показало отсутствие существенных противоречий с данными положениями. *Везде, где имеется успешно протекающая и/или завершённая модернизация (необратимое формирование структуры, отношений и институтов индустриального общества), обнаруживается та или иная степень дефицита ресурсов традиционной аграрной экономики*. Под последними понимаются посевные площади и их потенциалы – земли, которые используются или могут

быть использованы как посевные – в их приложении к численности населения, а также сопутствующие им природно-климатические условия. По отношению ко второй половине XX в. учитывалась также обеспеченность углеводородным сырьём, которое в этот период оказалось способным заменить собой все другие ресурсы.

Исследование состояния ресурсов и населения в *первичных очагах модернизации – в Западной Европе и Японии* – показывает, что начало трансформационного процесса (в первом случае с рубежа XI–XII вв., во втором – с XIII–XV вв.) и его ход совпадают с нарастающей хозяйственной стеснённостью, исчерпанием возможности экстенсивного развития аграрной экономики. Появление предпосылок капиталистического развития и интенсификация сельскохозяйственного производства начинается в этих странах, когда средняя плотность населения превышает 10–15 чел. на кв. км. Этот показатель мы называем «показателем трансформации» и обнаруживаем, что континентальные страны Востока (если не считать Китай с его периодически повторяющимися демографическими кризисами), а тем более европейская часть России достигают его только в XVII–XIX вв. [7; 11; 17; 20; 25]. Заметим, именно к этому времени большинство историков относят возникновение элементов капиталистического уклада в российской экономике. Но даже после прохождения этого показателя в России имеется колоссальный ресурсный и территориальный потенциал в виде присоединённых Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа. Относительное аграрное перенаселение центральных зерновых районов компенсировалось избытком угодий и ресурсов и на окраинах коренной – европейской – части страны.

Отдельной задачей исследования стал *анализ исторической динамики России в зависимости от обеспеченности ресурсами*, а конечной целью – выявление и описание *механизма торможения модернизации*. Последний заключается в особенностях функционирования сложившейся в России в XV–XVII вв. экстенсивной экономической системы. Данный механизм действовал в течение всего этого периода, однако открывается для выявления и описания он только в XIX в., когда в динамике страны обнаруживаются две противоположные тенденции: перенаселение аграрных районов и наличие и даже увеличение свободных земель. Хотя, как сказано выше, плотность населения, следовательно,

нагрузка на естественные ресурсы страны, приближаются к «показателю трансформации» только в XIX в., происходит это лишь в европейской части страны, а аграрное перенаселение, являющееся непосредственной причиной интенсификации, обнаруживается только в центральных зерновых районах. Поэтому во второй половине XIX в. налицо два противоположных процесса: колонизация и интенсификация. «Рост плотности населения постоянно толкал крестьянство не только к колонизации, но и к интенсификации» [17, с. 60]. Не случайно историками описывается противоречивая ситуация: всю вторую половину XIX и начало XX вв. количество пахотных площадей растет даже в европейской части страны, но здесь же обнаруживается более 20 млн человек избыточной рабочей силы.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что вновь присоединенные земли юга России по своему качеству были лучше уже имеющихся. Это ослабляло тенденцию интенсификации и усиливало тенденцию колонизации [там же]. Поэтому положительный эффект от перенаселения аграрных районов (урбанизация, рост городской промышленности, распад традиционной аграрной экономики под влиянием расслоения крестьянства) снижался наличием легкодоступных ресурсов и территорий и порождал вялые темпы трансформации, невысокий рост производительности труда, медленный технический прогресс.

Здесь открывается важная закономерность: *никакая социально-экономическая система не является гомогенной с исторической точки зрения, с точки зрения уровня развития*. В любой из них есть структуры, ориентированные на интенсивное производство, акторы которых действуют по-новому,

и экстенсивные, воспроизводящие себя по-старому. Поскольку российская система данного периода в основе своей оставалась экстенсивной, она продолжала эксплуатировать природное богатство по-прежнему и даже приспособливалась результаты технического прогресса для своего сохранения. Каждый новый ресурс теперь уже на уровне промышленного развития – железные дороги, заводы, фабрики, банковские учреждения – против ожидания не только не формировали интенсивную стратегию, но и укрепляли экстенсивную.

Данная закономерность зафиксирована на рис. 1. На её основании можно утверждать, что тенденция к сохранению экстенсивной стратегии способна усиливаться по мере пусть медленного, но неизбежного (чаще всего заимствованного) технологического прогресса. Каждое новое совершенствование орудий труда и технологического процесса увеличивает совокупный продукт и тем меньше мотивирует интенсификацию экономической деятельности в её социально-экономической составляющей (рынок, наёмный труд, частная собственность). Проблема экономического роста решается за счёт приращения новых территорий в большей мере, чем за счёт роста производительности, а всякое новое приращение снижает или, как минимум, не увеличивает потребность в прогрессе самой экономики и экономических отношений. «Собирание» русских земель Москвой, ликвидация «осколков» Золотой Орды, обеспечившая выход в Сибирь, проникновение на Балтику и Чёрное море, развитие коммуникаций, освоение Сибири – всё это в XV – первой половине XIX вв. делало возможным сохранение в России существующего типа эконо-

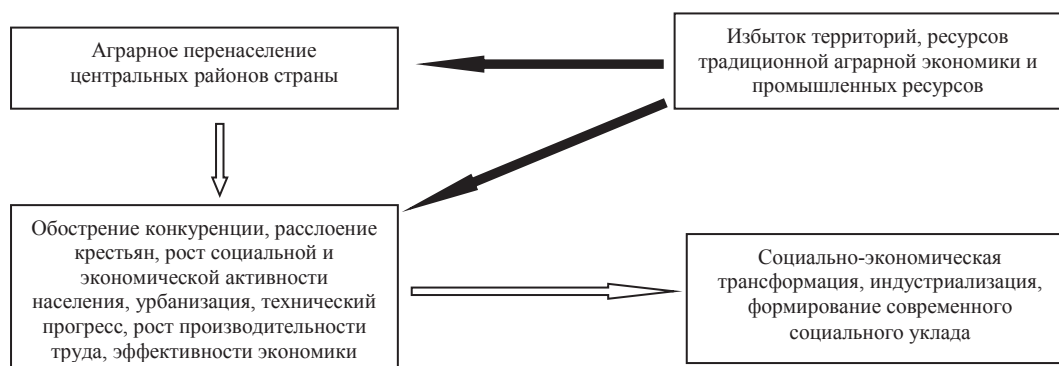

Рис. 1. Фазовая модель динамики России: механизм ослабления трансформационного процесса под влиянием избытка ресурсов и территорий¹

¹ Белые стрелки – положительное влияние, чёрные – отрицательное.

мического производства и соответствующего ему социально-экономического уклада без изменения. Только с первой половины XIX в. внутри российского общества начинается трансформация, прежде всего в крестьянской среде, связанная с нарастающим аграрным перенаселением зерновых районов. Но и в индустриальный период железные дороги и пароходы, банки, европейское образование и наука не изменили аграрной сущности российского общества необратимо, поскольку оно продолжало осуществлять свою деятельность за счёт экстенсивной эксплуатации огромных территорий. «Прирастая Сибирью», Кавказом и Средней Азией, Россия приращала и свою экстенсивную стратегию даже при условии промышленной эксплуатации этих земель. Все достижения и нововведения промышленной эпохи были поставлены на службу данному типу хозяйствования. Индустриальный сектор и сопутствующие ему компоненты были лишь вкраплениями в общую экстенсивную систему, они были принесены извне или созданы инициативой той части общества, которая не находила себе места в господствующей системе, была вытеснена из нее относительным аграрным перенаселением.

Сказанное позволяет построить *тренд-структуру, объясняющую инертность экономической системы России* и подвижность экономической системы Западной Европы и Японии¹.

Рассмотрим первую (рис. 2). Исходное условие – наличие в стране легкодоступных природных ресурсов традиционной аграрной экономики (поле 1), которое порождает господство экстенсивной экономической стратегии (ЭЭС, поле 2). Сама ЭЭС обуславливает стремление к расширению подконтрольных осваиваемых территорий, что обнаруживается в истории России до конца XIX в., когда империя достигает своих максимальных границ. Таким образом, господство ЭЭС здесь естественно-обусловлено и является самоподдерживающейся тенденцией (две белые стрелки навстречу друг другу, соединяющие поля 1 и 2). Социальная система ЭЭС предполагает рутинное развитие производства, невысокое, как показывает экономическая история России, но гарантированное удовлетворение потребностей основных акторов и внеэкономическое господство элиты (гомеостатическая переменная структуры ЭЭС, поле 3). Это также имеет обратное воздействие, направленное на сохранение и

Рис. 2. Тренд-структура, объясняющая инертность экономической системы России²

¹ Методологической основой для построения тренд-структур и фазовых моделей послужили работы Н. Розова [21].

² Белые стрелки – положительные усиливающие связи, чёрные – отрицательные угнетающие; поле 1 – исходное условие, поля 2 и 4 – исходная и искомая системы, поля 3 и 5 соответственно – их гомеостатические переменные, поле 6 – издержки.

воспроизводство данной системы отношений (две белые стрелки навстречу друг другу, соединяющие поля 2 и 3). Попытки перехода к интенсивной экономической стратегии (ИЭС, поле 4), основанной на технологическом прогрессе и социально-экономическом развитии в сторону товарно-денежных частнокапиталистических отношений, природно обусловленными в России не являются, а чаще всего осуществляются наиболее активными, но не типичными для ЭЭС субъектами внутри и/или привносятся иностранцами и их «агентами», «реформаторами» извне. У ИЭС, при всей очевидной пользе технического прогресса и социально-экономического развития (это и есть её единственная гомеостатическая переменная, усиливающая искомую структуру ИЭС – поле 5), есть издержки – расшатывание и трансформация сложившегося при господстве ЭЭС системы отношений (белая стрелка из поля 5 в поле 6, превращающаяся в угнетающую чёрную для гомеостатической переменной ЭЭС из поля 6 в поле 3 при воздействии издержек прогресса на основные характеристики социальной системы ЭЭС). Результатом является коллективный отказ от трансформации: издержки социально-экономического и технологического развития оказываются выше его результатов, а компенсируется ущерб обращением к старой,

зарекомендовавшей себя системе отношений ЭЭС. Таким образом, очевидно, что господство ЭЭС и отсутствие интенсификации неизбежны до тех пор, пока имеет место исходный фактор – неограниченные природные ресурсы.

Не следует считать, что есть принципиальные отличия механизма сопротивления (гомеостатической переменной социальной системы ЭЭС) в России от соответствующего механизма в странах завершённой модернизации – в Японии и Западной Европе. Такое взаимодействие не исключительно: все традиционные системы терпят издержки при переходе от аграрной экономики к индустриальной. На философском уровне мы утверждали о принципиальной конфликтности, болезненности этого процесса, поскольку он связан с радикальной трансформацией общества. Единственное отличие механизма сдерживания российской модернизации от японской или западноевропейской – отсутствие обилия легкодоступных ресурсов традиционной аграрной экономики, поддерживающего ЭЭС.

Рассмотрим тренд-структуру, объясняющую подвижность экономической системы Западной Европы (рис. 3). Исходное условие здесь – дефицит ресурсов традиционной аграрной экономики (прежде всего посевных площадей, выпасов, промысловых угодий),

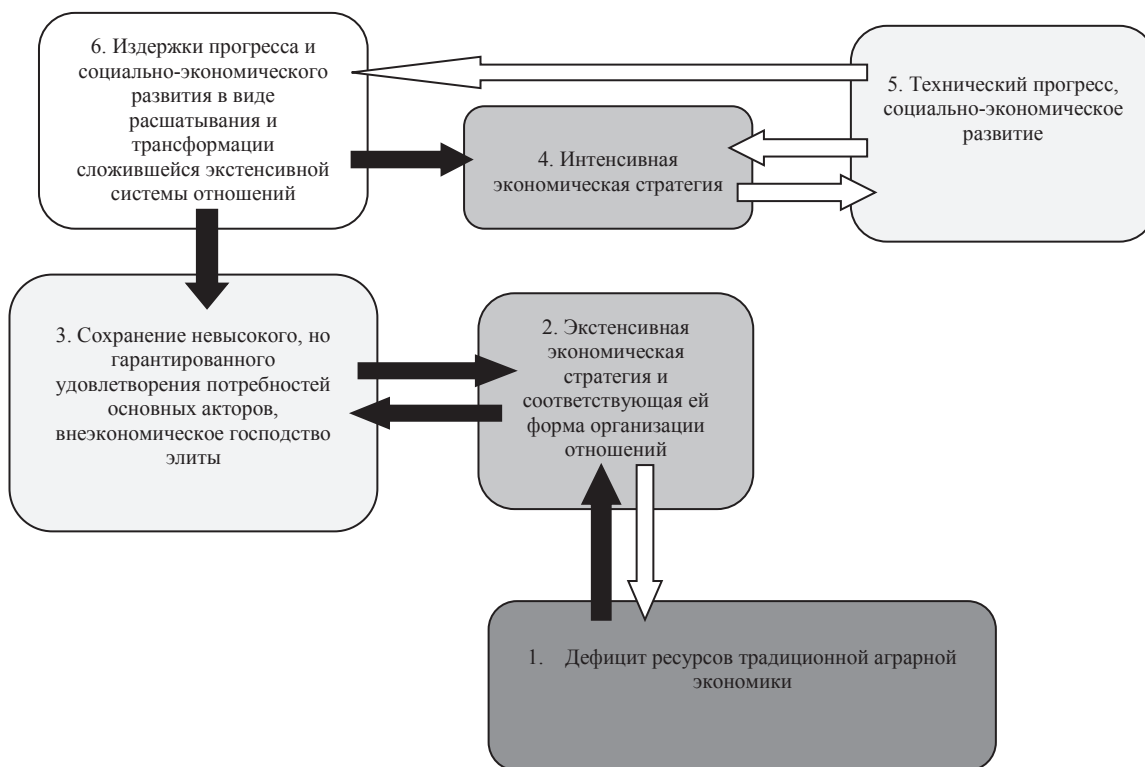
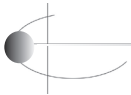

Рис. 3. Тренд-структура, объясняющая подвижность экономической системы Западной Европы и Японии

обнаруживающийся в Западной Европе к рубежу XI – XII вв. (поле 1). Он исключает возможность дальнейшего осуществления ЭЭС и существования сложившейся на её основе системы отношений раннего средневековья (поле 2, чёрная угнетающая стрелка из поля 1 в поле 2). Более того, попытки продолжать осуществление ЭЭС ещё больше усиливают дефицит ресурсов традиционной аграрной экономики (белая стрелка из поля 2 в поле 1). ИЭС (поле 4) является автохтонной и вырастает естественно из природных условий Западной Европы, хотя это не исключает заимствования технических изобретений и институтов извне (это относится, например, к Японии). Социальная структура ИЭС имеет такую же гомеостатическую переменную – технический прогресс и социально-экономическое развитие (поле 5), которая также угнетающе воздействует на неё через увеличение издержек господствующей социальной структуры ЭЭС (белая стрелка из поля 5 в поле 6, чёрная – из поля 6 в поле 3). Очевидно, что механизм сопротивления структуре ИЭС здесь идентичен российскому. Но далее всё меняется. В условиях стеснённости в ресурсах традиционной аграрной экономики ЭЭС уже не может поддерживать характерный для аграрной экономической системы уровень потребления и господство элиты (чёрная стрелка из поля 2 в поле 3). Следовательно, влияния, поддерживающие в Западной Европе и Японии господство ЭЭС и характерной для неё системы отношений (белые положительные стрелки в поля 2 и 3) отсутствуют, социальная структура ЭЭС начинает разрушаться и замещаться социальной структурой ИЭС. Происходит это под влиянием главного фактора – дефицита ресурсов. И, как видим, даже не важно, были ли компоненты ИЭС автохтонными (Западная Европа) или привнесёнными извне (Япония).

Приведённые схемы составлены на основе анализа исторической динамики традиционных обществ и учитывают влияние ресурсов аграрной экономики. Но последние можно легко заменить на ключевые ресурсы индустриальной экономики – нефть и газ, и тренд-структура объяснит динамику России и ряда других стран в XX – начале XXI в.

Заключение. Развитие не является неотъемлемым свойством любой социальной системы; мировая история показывает, что существовало больше статичных обществ, чем динамично развивающихся. И модернизацию, понимаемую как фазу социально-исторического развития, нельзя рассматри-

вать как некую, изначально присущую обществу способность. Она не происходит сама по себе, а, будучи глубокой и болезненной трансформацией, наступает только в силу весьма серьёзных обстоятельств.

Такое понимание развития ставит вопрос о причинах модернизации, чего не делает большинство её исследователей, подходя к ней как к текущему уже процессу, выискивая факторы, способствующие или не способствующие ему в тех или иных странах. Мы же считаем, что пока не дан ответ на фундаментальный вопрос о том, почему одна социальная система начинает трансформироваться в другую, построение всяческих моделей, стратегий, проектов модернизации и бессмысленно и бесплодно.

Модернизация есть переход общества от экстенсивной экономической стратегии (традиционная аграрная экономика с её простым воспроизводством необходимого продукта) к интенсивной (индустриальная, чаще всего – рыночная экономика с её прибавочным производством). Происходит она только под влиянием необходимости: никакая другая причина не заставляет людей усложнять свою экономическую деятельность. Связана эта необходимость с ограниченностью ресурсов и территорий, наступающей по мере роста численности населения аграрных стран. Рано или поздно складывается ситуация, когда осуществлять прежнюю – экстенсивную экономическую стратегию – становится невозможно, включается механизм интенсификации, требующий жесткой и коренной перестройки всей социальной системы.

Уже на ранних этапах модернизации отсутствие этой внутренней предпосылки – вызова со стороны дефицита ресурсов – ведёт к внешне инициированной вялотекущей трансформации. Её определяющей чертой является отсутствие интенсификации – главного признака реально протекающего модернизационного процесса, что означает неуклонное вовлечение в производство новых ресурсов. Сопутствующими чертами данного типа трансформации являются медленный, как правило, инициированный извне технологический прогресс, хроническое технологическое отставание от передовых стран, общая экономическая слабость и высокая зависимость от мирового рынка. Это приводит к периодически повторяющимся попыткам власти подстегнуть развитие сверху, прибегнуть к различного рода мобилизационным стратегиям, как правило, репрессивным. На деле эти попытки оборачиваются контрмодерниза-

цией – болезненными откатами назад, в сторону восстановления прежнего способа производства.

Сказанное не означает, что причина этих катастрофических откатов состоит исключительно в отсутствии внутреннего вызова. Напротив, сам этот вызов чаще всего порождает именно откат. Для понимания происходящего важно учесть, что в ситуации аграрного перенаселения и недостатка ресурсов, интенсификация – это последний из всех вариантов развития событий, это наиболее редкая стратегия как ответ на вызов стеснённости. Как правило, как подсказывает история традиционных обществ, применяются иные стратегии – адаптация, миграция, социальный взрыв снизу или государственный террор сверху, и даже такая стратегия, как убийство новорожденных. Это – первое, что происходит в результате кризиса стеснённости. Интенсификация производства и социальных отношений, требующая сверхусилий со стороны общества, происходит в последнюю очередь. Именно поэтому, хотя успешная модернизация исторически закономерна, для её наступления нужен ряд других обстоятельств. А дефицит ресурсов традиционной аграрной экономики является её необходимым, но не достаточным условием. Без него страну ждет происходящая под влиянием исключительно внешнего фактора трансформация, которую мы называем *вялотекущей модернизацией*.

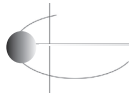
Данный тип трансформации имеет свои особенности и в современном мире – на индустриальной стадии развития. Здесь ключевое влияние оказывают уже не сельскохозяйственные ресурсы, а запасы наиболее ликвидного теперь углеводородного сырья. Страны высокой обеспеченности этим сырьём характеризуются либо отсутствием позитивных изменений, либо вялотекущей трансформацией, инициированной «сверху» и под влиянием внешнего фактора. Внутренняя объективная предпосылка – вызов со стороны стеснённости в ресурсах – здесь также отсутствует. Основа вялотекущей модернизации – экстенсивная экономическая стратегия, осуществляемая не за счёт внутренней трансформации, а посредством привлечения новых ресурсов и заимствования технологий. Проведённое исследование показало, что все попытки сократить зависимость экономики от экспорта углеводородов при наличии их крупных месторождений заканчиваются провалом либо незначительным успехом. Общество незавершённой модернизации, будучи консервативным по сути, идёт по пути наименьшего

сопротивления, и либо через мирное изменение экономической политики, либо через военный переворот, в любом случае вовлекает эти ресурсы в оборот, подменяя их экспортом необходимость собственного развития.

Ещё одна важная черта такой трансформации – поверхностный характер изменений, скрывающий реальное положение особенно в периоды высоких цен на сырьё и ресурсы. Хотя для такой экономической системы характерен технологический застой, он не бросается в глаза, пока есть средства для закупки технологий. Свойственные ей снижение эффективности, отсутствие реального роста производительности труда также не видны на фоне улучшения общего экономического положения. Происходит такая модернизация под лозунгом «социальной справедливости», но реальность чаще всего показывает не менее, а несравнимо более высокий разрыв между богатством и бедностью, чем в других странах. Типичными идеологемами оказываются принципы «стабильности» и «самобытности». Первое неосуществимо в силу зависимости экономики от мировых цен на нефть, второе – по причине массового заимствования идей, культурных образцов и технологий: утрата идентичности происходит в этом случае намного быстрее. Для социальной системы такого типа трансформации характерны перепроизводство элиты, рост коррупции, деградация науки и образования, а также скрыто протекающие процессы деградации системы ценностей, роста маргинализации населения и коллективной фрустрации.

Население стран, богатых углеводородами, часто имеет завышенные по отношению к собственной экономической активности жизненные стандарты. В результате даже те позитивные изменения, которые здесь наблюдаются, происходят в основном по инициативе модернизационных проектов «сверху» и не находят особой поддержки среди широких слоёв, если не приводят тут же к росту благосостояния. Правительство, ступившее на этот путь, фактически находится в заложниках у населения и остается «угодным», пока осуществляет популистский курс. Большие запасы сырья провоцируют появление таких малопривлекательных черт, как отсутствие или ограничение демократии, явное или скрытое правление хунты, агрессивная внешняя политика.

Здесь ярко выражен социокультурный раскол на два лагеря и противостояние между ними. Одни (как правило, большинство) ратуют за наращивание социальных программ и

перераспределение ресурсов и в связи с этим поддерживают популистскую политику властей, часто имеющую антикапиталистический и антизападнический характер, используют в качестве её обоснования традиционные религии и идеологии. Другие, их меньшинство, отстаивают либерально-капиталистический путь развития. Периодически между ними происходят столкновения, порой жёсткие, поскольку мотивация к захвату основного ресурса различными силовыми группировками и открывающиеся вследствие этого возможности здесь много выше, чем в странах, бедных ресурсами. За этими столкновениями могут следовать резкие повороты в политике, зависящие, помимо всего прочего, от динамики мировых цен на углеводороды. Поэтому для этих стран характерны рывки в развитии, иногда впечатляющие, и столь же резкие откаты назад.

Россия входит в группу наиболее обеспеченных ресурсами стран: при населении 143 млн человек она обладает третьей частью мировых природных ресурсов. По общим запасам нефти и газа страна занимает соответственно 8-е (60,0 млрд барр.) и 1-е (47,6 трл. куб. м) места в мире¹. Хотя из расчёта на душу населения Россия не дотягивает до типичных стран-рантье, она находится в группе стран – обладателей крупных запасов углеводородов. Россия имеет также вторые по величине запасы угля и является третьим в мире экспортёром стали и алюминия. Как и другие страны этой группы, она претерпевает

острое общественное противостояние, резкие повороты под влиянием геополитического и геоэкономического вызова и внутрисполитической борьбы. Периоды самоизоляции сменяются здесь периодами открытости, а фазы мобилизационных рывков – фазами вялотекущей модернизации.

В ныне текущей фазе вялотекущей модернизации экономика и общество России ведут себя соответствующим образом. Хотя этот процесс до поры до времени латентный, он опаснее очевидного экономического кризиса, требующего немедленной перестройки системы. В современной России в отличие от позднего СССР положение хуже тем, что экономическая открытость, заимствование идей и технологий скрывают деградацию, делают её неочевидной в глазах общества, следовательно, затягивают с началом «лечения». Это может сыграть роковую роль, т. к. для экономики страны все же характерен пусть не качественный, но количественный рост, постепенное изменение социальной системы. Есть приток иностранной рабочей силы, выполняющей массу работ (полагаем, большую, чем даёт официальная статистика), а закупка технологий, их распространение внутри страны создают иллюзию движения «в ногу» с остальным миром. Вместе с относительно высоким уровнем жизни, поддерживаемым за счёт экспорта сырья, это делает ситуацию скрытой не только для простых граждан, но и для многих политиков и учёных.

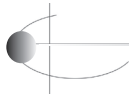
Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1–2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, 1998.
2. Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 4–24.
3. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.
4. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ, 2010. 604 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 574 с.
6. Зомбарт В. Современный капитализм. Историко-систематическое исследование общеевропейской экономической жизни от её зачатков до современности: в 3 т. М.; Л., 1924–1929. Т. 1: Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Полутом 1. Л.: Путь к знанию, 1924. 274 с.
7. История Востока: в 6 т. / гл. ред. Р. Б. Рыбаков. Т. 2. Восток в средние века. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени. Т. 4. Кн. 2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). М.: Вост. лит., 2000, 2002, 2005.

¹ См: нефть: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2244rank.html>; природный газ: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2253rank.html>.

8. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
9. Ковалевский М. М. Экономический строй России // Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. 2010. С. 392–572.
10. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1–3. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1898, 1900, 1903.
11. Конрад Н. И. Япония: народ и государство: ист. очерк // История Японии: сб. истор. произведений / под ред. И. А. Настенко. М.: Евролинц; Русская панорама, 2003. С. 158–340.
12. Лурье С. В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 61–74.
13. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 13.
14. Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 23.
15. Макаренко В. В. К вопросу об уровне феодального развития как основе капиталистической формации общества // Восток в новое время. Экономика, государственный строй: сб. ст. М.: Наука, 1991. С. 14–30.
16. Межуев Б. В. Перспективы политической модернизации России // Полис. 2010. № 6. С. 6–22.
17. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
18. Нефёдов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 543 с.
19. Нефёдов С. А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток. 2003. № 3. С. 5–22.
20. Пасков С. С. Япония в раннее средневековье. VII–XII вв.: исторические очерки. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. 199 с.
21. Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы: учеб. пособие // Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 412 с.
22. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
23. Сови А. Общая теория населения: в 2 т. / пер. с фр. Ф. Р. Окуновой. Т. 2. Жизнь населений. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
24. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
25. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) // Историческая демография: избранные труды / отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Наука, 2007. С. 19–308.
26. Яковенко И. Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А. С. Ахиезера. М.: Новый Хронограф, 2009. С. 224–260.
27. Auty R. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993. 272 p.
28. Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965. 124 p.
29. Bulte E. H., Damania R., Deacon R. T. Resource Intensity, Institutions, and Development // World Development. July 2005. Vol. 33. Issue 7. P. 1029–1044.
30. Clark G. C. Population Growth and Land Use. London, Macmillan, 1967. 406 pp.
31. Corrigan C. C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Resource Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // Resources Policy, 10 / 2013. P. 1–14.
32. Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // Social Forces. 2010. Vol. 88, No. 5. P. 2217–2240.

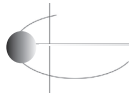
33. Darity W. A. Jr. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // *Journal of Development Economics*, 1980. Vol. 7. Issue 2. P. 137–157.
34. Ding N., Field B. C. Natural resource Abundance and Economic Growth // *Land Economics*. November 2005. 81 (4). P. 496–502.
35. Escaping the Resource Curse / Edited by Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J. E. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007. 432 p.
36. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: Univ. of California Press. 1991. 608 p.
37. Johnston K. J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // *Journal of Anthropological Archaeology*. June 2003. Vol. 22. Issue 2. P. 126–161.
38. Kelley A. J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // *Journal of Economic Literature*. 1988. Vol. 26, № 4. P. 1685–1728.
39. Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // *The Journal of Economic History*. 1978. Vol. 38, No. 4. P. 839–864.
40. Krautkraemer J.A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // *Journal of Development Economics*. August 1994. Vol. 44. Issue 2. P. 403–428.
41. Ohlin G. Population Control and Economic Development. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. 1967. 138 p.
42. Sachs J. D., Warner A. M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper № 5398, 1995. 47 p.
43. Scanlan S. J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16, № 2. P. 231–262
44. Simmons I. G. Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189–195.
45. Turchin P. Long-term Population Cycles in Human Societies // *The Year in Ecology and Conservation Biology*. Ann. N. Y. Acad. Sci. 1162. 2009. P. 1–17.

References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii): v 2 t. T. 1–2. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997, 1998.
2. Guriev S., Egorov G., Sonin K. Svoboda pressy, motivatsiya chinovnikov i «resursnoe proklyatie»: teoriya i empiricheskii analiz // *Voprosy ekonomiki*. 2007. № 4. S. 4–24.
3. Guriev S., Sonin K. Ekonomika «resursnogo proklyatiya» // *Voprosy ekonomiki*. 2008. № 4. S. 61–74.
4. Daimond Dzh. Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv. Per. s angl. M. Kolopotina. M.: AST, 2010. 604 s.
5. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii / per. s fr. i posleslovie A. B. Gofmana. M.: Nauka, 1990. 574 s.
6. Zombart V. Sovremennyi kapitalizm. Istoriko-sistematicheskoe issledovanie obshcheevropeiskoi ekonomicheskoi zhizni ot ee zachatkov do sovremennosti. V 3 t. M. \$ L., 1924–1929. T. 1: Dokapitalisticheskoe khozyaistvo. Istoricheskie osnovy sovremennogo kapitalizma. Polutom 1. L.: Put' k znaniyu, 1924. 274 s.
7. Istoriya Vostoka: v 6 t. Gl. red. R. B. Rybakov. T. 2. Vostok v srednie veka. T. 3. Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. T. 4. Kn. 2. Vostok v novoe vremya (konets XVIII – nachalo XX v.). M.: Vost. lit., 2000, 2002, 2005.
8. Klyuchevskii V. O. Sochineniya: v 9 t. T. 1. Kurs russkoi istorii. Ch. I. M.: Mysl', 1987. 430 s.
9. Kovalevskii M. M. Ekonomicheskii stroi Rossii // Kovalevskii M. M. Izbrannye trudy. V 2 ch. Ch. 1. M.: ROSSPEN. 2010. S. 392–572.
10. Kovalevskii M. M. Ekonomicheskii rost Evropy do vzniknoveniya kapitalisticheskogo khozyaistva. T. 1–3. M.: Izd-vo K. T. Soldatenkova, 1898, 1900, 1903.

11. Konrad N. I. Yaponiya: narod i gosudarstvo: ist. ocherk // Istoriya Yaponii: Sb-k istor. proizvedenii / pod red. I. A. Nastenka. M.: Evrolints, Russkaya panorama, 2003. S. 158–340.
12. Lur'e S. V. Vospriyatie narodom osvaivaemoi territorii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 5. S. 61–74.
13. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. M.: GIPL, 1955. T. 13.
14. Marks K. Kapital. Kn. 1 // K. Marks, F. Engel's Soch. 2. izd. M.: GIPL, 1955. T. 23.
15. Makarenko V. V. K voprosu ob urovne feodal'nogo razvitiya kak osnove kapitalisticheskoi formatsii obshchestva // Vostok v novoe vremya. Ekonomika\$ gosudarstvennyi stroi. Sb. st. M.: Nauka, 1991. S. 14–30.
16. Mezhev B. V. Perspektivy politicheskoi modernizatsii Rossii // Polis. 2010. № 6. S. 6–22.
17. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2 t. T. 1. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2000. 548 s.
18. Nefedov S. A. Demograficheski-strukturnyi analiz sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii. Konets XV – nachalo XX veka. Ekaterinburg: Izd-vo UGGU, 2005. 543 s.
19. Nefedov S. A. Teoriya demograficheskikh tsiklov i sotsial'naya evolyutsiya drevnikh i srednevekovykh obshchestv Vostoka // Vostok. 2003. № 3. S. 5–22.
20. Paskov S. S. Yaponiya v rannee srednevekov'e. VII–XII vv.: istoricheskie ocherki. M.: Nauka, GRVL, 1987. 199 s.
21. Rozov N. S. Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody: ucheb. posobie / Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2009. 412 s.
22. Rozov N. S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke. M.: ROSSPEN, 2011. 735 s.
23. Sovi A. Obshchaya teoriya naseleniya. V 2 t. / per. s fr. F. R. Okunevoi. T. 2. Zhizn' naselenii. M.: Progress, 1977. 519 s.
24. Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii / per. s angl. E. D. Zharkova. M.: Airis-press, 2002. 640 s.
25. Uralnis B. Ts. Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya) // Uralnis B. Ts. Istoricheskaya demografiya: izbrannye trudy / otv. red. A. G. Vishnevskii. M.: Nauka, 2007. S. 19–308.
26. Yakovenko I. G. Teoreticheskie osnovaniya tsivilizatsionnogo analiza Rossii // V poiskakh teorii rossiiskoi tsivilizatsii. Pamyati A. S. Akhiezer. M.: Novyi Khronograf, 2009. S. 224–260.
27. Auty R. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993. 272 p.
28. Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965. 124 p.
29. Bulte E. H., Damania R., Deacon R. T. Resource Intensity, Institutions, and Development // World Development. July 2005. Volume 33. Issue 7. Pp. 1029–1044.
30. Clark G. S. Population Growth and Land Use. London, Macmillan, 1967. 406 p.
31. Corrigan C. C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Resource Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // Resources Policy, 10 / 2013. P. 1–14.
32. Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // Social Forces. 2010. Vol. 88, № 5. P. 2217–2240.
33. Darity W. A. Jr. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // Journal of Development Economics, 1980. Vol. 7. Issue 2. P. 137–157.
34. Ding N., Field B. C. Natural resource Abundance and Economic Growth // Land Economics. November 2005. 81 (4). P. 496–502.
35. Escaping the Resource Curse / Edited by Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J. E. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007. 432 p.

36. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: Univ. of California Press. 1991. 608 p.
37. Johnston K. J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // Journal of Anthropological Archaeology. June 2003. Vol. 22. Issue 2. P. 126–161.
38. Kelley A. J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // Journal of Economic Literature. 1988. Vol. 26, No. 4. Pp. 1685–1728.
39. Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // The Journal of Economic History. 1978. Vol. 38, № 4. P. 839–864.
40. Krautkraemer J.A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // Journal of Development Economics. August 1994. Vol. 44. Issue 2. P. 403–428.
41. Ohlin G. Population Control and Economic Development. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. 1967. 138 p.
42. Sachs J. D., Warner A. M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398, 1995. 47 p.
43. Scanlan S. J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // Sociological Forum. 2001. Vol. 16, № 2. P. 231–262.
44. Simmons I. G. Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189–195.
45. Turchin P. Long-term Population Cycles in Human Societies // The Year in Ecology and Conservation Biology. Ann. N. Y. Acad. Sci. 1162. 2009. P. 1–17.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014